

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

А. Ю. Серякова

Антропологический поворот, который произошел в философии в конце 19 – начала 20 веков, проблематизировал большинство сущностных положений классической философии. Следствием данной ревизии стало включение в философский дискурс феномена телесности.

Телесность – это бытие человека до разделения на внутреннее и внешнее, до- и предсознательное; феномен, который пронизывает все сферы его жизни.

Телесность – это не просто слово или понятие. Телесность имеет ряд важных следствий для культуры.

- Снимая различия между «внутренним» и «внешним», телесность обнажает поверхностный слой бытия, который оказывается экзистенциальным.

- Телесность несет за собой шлейф иных феноменов, которые долгое время оставались в тени, на заднем фоне: сексуальность, желание, удовольствие, наслаждение и т.д.

Репрезентация телесности, пожалуй, является наиболее важной и проблематичной темой. Данное утверждение связано с тем, что телесность является дорефлексивным феноменом, а, следовательно, она не может изучаться, как изучаются явления природы в физике или даже общество в социологии. Очень сложно ухватить сам феномен.

Однако важным представляется не просто экспликация репрезентации феномена телесности, но анализ каналов данной репрезентации. В рамках культуры постмодерна следует выделить два канала репрезентации данного феномена – власть, а точнее социальные технологии, которые включают в себя два важных, с точки зрения заявленной здесь проблемы, механизма власти – дисциплину и моду, – а также текст.

Современная власть не является более властью над смертью: взимание и насилие, как основные черты такого механизма власти, становятся лишь одними в числе иных технологий осуществления власти, таких как контроль, организация сил и т.д. Таким образом, современную власть, которая довольно сильно отличается от власти над смертью, можно назвать властью над жизнью или, как ее именует Мишель Фуко «био-властью».

Те трансформации, которые затронули власть, соответственно изменили социальные технологии, которыми пользуется современная власть. Если раньше власть использовала казнь в качестве мощного социального

контроля, то теперь в качестве основных механизмов такого контроля можно выделить: моду и дисциплину.

Мода оформляет репрезентации телесности, задавая последней определенные коды, предлагая различные готовые образы и образцы. Моду составляют определенные образцы, идеальные типы поведения, которые устанавливаются и поддерживаются обществом и государством. Мода представляет собой один из самых поверхностных социальных механизмов. Однако, вместе с тем, она затрагивает самые глубинные слои человеческого бытия. Скажем сексуальность. Мода показывает с помощью рекламы, кино, глянцевого журналов и т.д.: каким является образ сексуальности, почти канон сексуальности. Глядя на этот образ человек может примерять его на себя, тем самым, убегая от своей собственной сексуальности.

Дисциплина связано с организацией телесности. Школы, больницы, полиция создают особый род отношения: они задают некий образ. Однако в отличие от моды, которая только предлагает, но никогда не навязывает, дисциплина действует в повелительном наклонении. Дисциплина защищает выработанные идеалы, существующие основы жизни. Она вырабатывает определенные формы, и следит за выполнением их. В отличие от моды, дисциплина всегда говорит словами «надо» и «не надо». Ее институты – это суд, армия, тюрьма, полиция и др. Дисциплина не столько создает новые нормы, сколько следит за выполнением старых. Дисциплина репрезентирует телесность, прежде всего, как дисциплинированное тело. Однако такое тело является организованным извне. Как отмечает М. Фуко, «дисциплины все больше служат техникам изготовления полезных индивидов»[4;308]. А значит, в первую очередь, – полезных тел. Дисциплинированное тело не является в полном смысле этого слова телесностью, т.к. представляют собой навязанную внешне властью репрезентацию.

Таким образом, подобный анализ позволяет сделать следующие выводы: власть является важнейшим каналом репрезентации телесности. Вследствие того факта, что современные социальные технологии – мода и дисциплина – позволяют власти иметь дело не только с телом-объектом т.е. с классическим телом, но и непосредственно влиять на живое тело (на телесные проявления), власть тем самым предлагает некую универсальную модель репрезентации телесности, которая, прежде всего, основана на принципах эффективности и экономии. Однако на деле оказывается, что через властные каналы происходит, скорее, не репрезентация телесности, а ее симуляция.

Анализ второго канала репрезентации – текста, показывает: в рамках культуры постмодерна становится ясно, что бытие человека является не только текстуально, но и телесно организованным. Существуют такие сферы человеческого бытия и культуры, где иная форма репрезентации, кроме текстовой, не представляется возможной, например, виртуальная реальность.

Анализируя стратегии взаимоотношения телености и текста, М. Фуко и Ж. Бодрийяр приходят к выводу о том, что телесность и текст представляют собой изоморфные феномены и понятия, а человеческую телесность можно охарактеризовать как «семиотическое тело». Однако данный взгляд представляется чересчур радикальным, т.к. телесность и текст не представляют собой синонимы.

Таким образом, феномен телесности оказывается весьма актуальным в рамках неклассической философии, которая акцентирует внимание не только и не столько на рациональных аспектах человеческого и культурного бытия, но и на дорациональных. Однако, в связи со спецификой самого феномена телесности возникает вопрос о репрезентации телесности в самой культуре, о тех каналах, через которые телесность может быть репрезентирована. Такими каналами оказываются, в первую очередь, власть и текст.

Литература

1. *Барт Р.* Удовольствие от текста// Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 462-518;
2. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387с.;
3. *Нанси Ж.-Л.* Corpus. М.: Ad Marginem, 1999. С. 27-170;
4. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 459 с..

КУЛЬТУРНЫЯ СТРАТЭГІІ НЕТРАДЫЦЫЙНЫХ РЭЛІГІЙ

Д. А. Смалякоў

Цяпер усталявалася папулярная думка, нібы нетрадыцыйныя рэлігіі заўсёды з’яўляюцца контркультурнымі элементамі. Маецца на ўвазе, што нетрадыцыйная рэлігія з’яўляецца феноменам дыструктыўным для культуры, шкодным, антаганістычным.

Сыходзячы з распаўсюджання рэлігій робіцца відавочным той факт, што менавіта культура з’яўляецца інтэлектуальна-псіхалагічнай глебай для нараджэння нетрадыцыйнай рэлігіі. Больш таго, менавіта культурныя прэтэнзіі выказвае кожная нетрадыцыйная рэлігія пад час свайго стварэння [1: 101–105]. Тут культура можа выступаць у якасці